

На правах рукописи

КЛОЧКОВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА

**Образ Екатеринбурга / Свердловска
в русской литературе
(XVIII – середина XX в. в.)**

10.01.01 — русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург
2006

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» на кафедре русской литературы XX века.

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор Литовская М. А.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Созина Е. К.

кандидат филологических наук,
Власова Е. Г.

Ведущая организация: Тюменский государственный
университет

Защита состоится «__» июля 2006 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Уральский государственный университет им А. М. Горького по адресу: 620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, д. 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Автореферат разослан «__» мая 2006 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

М. А.Литовская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Город как сложный, непрерывно меняющийся продукт человеческой деятельности издавна привлекал к себе внимание исследователей. Являясь местом наиболее плотного скопления людей, центром материальной и духовной культуры, узлом переплетения социальных и экономических отношений, город становился предметом осмысления разнообразных областей знаний: истории и философии, политологии и социологии, экономики, географии. Благодаря своей исторически сложившейся функциональной многозначности города представляют сферу интереса и приложения сил и практиков (градостроителей, архитекторов, экологов и т. д.), и деятелей искусства (художников, поэтов, писателей), поскольку, являясь своеобразной моделью мира, позволяют активно воздействовать на него либо осмысливать результаты такого воздействия.

В гуманитарных науках город понимается как сложный социокультурный феномен и представляется как открытая и динамичная система, место мобильности и деятельности. Исследователи ищут о невозможности оценивать город в качестве единого целого, свести многообразие городских явлений к какой-либо системной целостности. Обращение гуманитаристики к теме города становится особенно актуальным в связи с повышением исследовательского интереса к символике пространства.

С развитием урбанистики взгляд исследователей на городское пространство существенно изменился. Если на заре науки о городе ученые (П. Геддес, М. Льюис и др.) стремились представить города как целостные системы с присущими им собственной внутренней динамикой, то в настоящее время методологические подходы к исследованию пространства значительно дифференцировались и усложнились.

Теоретические знания о городе в широком историческом и культурологическом контексте, возникающие в ряде урбанистических дискурсов¹ (вид города, его история, теория, философия, искусство и др.), представлены в работах Г. Зиммеля, Д. Кларка, Ф. Кука и др. Наряду с исследованиями подобного рода ученых-культурологов интересуют особенности отдельных городов: образы Праги, Венеции, Флоренции, Москвы описываются в работах Я. Шимова, Г. Зиммеля, Н. Калашникова². Город в качестве культурно-географического объ-

екта представлен в работах современных западных и отечественных исследователей (А. Лефевра, Э. Соджи, Д. Харви, Д. Хайден, Л. Лофланд¹, Д. Замятина, В. Каганского, И. Корнева и др.). Образы городов могут быть описаны с применением методик социологического анализа (Б. Дубин, А. Левинсон и др.).

В последнее время становится популярной эссеистика писателей, интерпретирующая образы городского пространства, создающая так называемые «биографии» городов (П. Акرويد «Лондон: биография»; Д. Бэнвилл «Прага. Магические зарисовки» и др.) – работы, в которых достоверные сведения по истории, экономике, социальной сфере города перемежаются с личными впечатлениями, ассоциациями, воспоминаниями самих авторов и зафиксированными ими устойчивыми представлениями о городе, сохранившимися в городских преданиях и художественных произведениях. П. Вайль в книге «Гений места» описывает города, привлекая «великих гидов» (Лос-Анжелес через творчество Чарли Чаплина, Сан-Франциско – Джека Лондона, Афины – Аристофана и т. д.). В результате возникает «гибридный жанр», в котором смешаны литературно-художественные эссе, путевые записки, мемуары.

Обращение исследователей к художественной литературе при анализе образа города не случайно. Она является одной из форм закрепления представлений о городе. Первые отечественные исследования, посвященные анализу урбанистической среды в литературных текстах, связаны со столичными городами как наиболее яркими и репрезентативными локусами. Классическими стали работы о Петербурге И. Гревса и Н. Анциферова. Исследователи показали развитие образа города в художественных текстах, отмечая наиболее важные этапы его формирования. Описывая тексты, посвященные образу северной столицы, авторы устанавливали между ними связи историко-генетического характера, выявляя черты, придающие образу города текучесть и изменчивость, но вместе с тем представляя его как органическое целое. Эти исследования открывают ряд работ, в которых образ города становится областью филологического анализа. Образам городов уделяется значительное внимание в трудах семиотической школы (Вяч. Иванов, Ю. Лотман, А. Пятигорский, В. Топоров, Б. Успенского, Т. Цивьян и др.). В последнее время появляются исследования синтетического характера, совмещающие литературоведческий и культурологический подходы к проблеме городского пространства (В. Абашев, А. Белоусов, Л. Зайонц, М. Строганов, Е. Эртнер и др.).

¹ Под дискурсом мы понимаем такое единство сознания, языка и реализующих их практик, которое гарантирует успешность социокультурной коммуникации.

² См., например, тематический выпуск: Логос : журнал по философии и прагматике культуры. 2003. № 6.

¹ См. обзор этого направления исследований: Черняева Н. А. Культурная география и проблематика «места» // Известия Урал. гос. ун-та. Гум. науки. 2005. Вып. 9. № 35. С.

С 1990-х годов в центр научного изучения попадает провинциальный город: проводится ряд конференций¹, выходят монографические и диссертационные исследования², сборники статей³, в которых изучаются теоретические проблемы «провинциального текста» русской культуры, анализируются соответствующие художественные произведения. В качестве отдельного направления в изучении провинции можно выделить сбор, публикацию и анализ литературно-краеведческих текстов (воспоминаний жителей малых городов⁴, произведений местных забытых авторов⁵, материалов биографического характера⁶ и т. д.). На обоснованность обращения к подобным образцам «низовой» литературы как правомочным участникам литературного процесса, создателям «механизма живой литературной жизни» (Лотман) ученые не раз обращали внимание⁷. Отмечена также актуализация этой литературоведческой проблематики в связи с изучением литературного процесса в регионах⁸.

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что образ Екатеринбурга / Свердловска никогда не был предметом специального литературоведческого анализа. До сегодняшнего дня не собраны ху-

¹ Мифы провинциальной культуры. Самара, 1992 г.; Провинция как социокультурный феномен. Кострома, 2000 г.; Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь, 2001 г.; Город как культурное пространство. Тюмень, 2003 г.; Современный город: межкультурные коммуникации и практики толерантности. Екатеринбург, 2004 г.; Региональные культурные ландшафты: история и современность. Тюмень, 2004 г. и др.

² *Абашев В. В.* Пермь как текст. Пермь, 2000; *Эртнер Е. Н.* Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века. Тюмень, 2005; *Власова Е. Г.* Уральская стихотворная фельетонистика конца XIX – начала XX века : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001; *Сидякина А. А.* Литературная жизнь Перми 1970–80-х годов: история поэтического андеграунда : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001 и др.

³ Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб., 2000; Филологический дискурс: вестник филологического факультета ТГУ. Тюмень, 2001; Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты. М., 2004 и др.

⁴ Михайловская Н. А. Мой Ярославль и его дорогие обитатели / Публ. *Т. В. Цивьян* // Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб., 2000. С. 459–474; Воспоминания А. А. Тарасовой (11/XI 1914, Пермь) / Публ. *О. В. Дворцовой* // Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты. М., 2004. С. 385–413, и др.

⁵ *Миронова И. В.* Неопубликованная повесть В. Ф. Владиславлева // Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь, 2001. С. 214–225; Пермь: антология пермской стихотворной фельетонистики конца XIX – начала XX века / Комм. и посл. *Е. Г. Власовой*. Пермь, 1996.

⁶ *Равинский Д. К.* Биография как «провинциальный текст». Елизавета Дьяконова // Провинция как реальность и объект осмысления : материалы науч. конф. Тверь, 2001.

⁷ *Тынянов Ю. Н.* Литературный факт. Литературная эволюция // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 255–282; *Лотман Ю. М.* О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Избранные статьи: в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 203–215.

⁸ См. например: *Власова Е. Г.* Стихотворный фельетон и газета в литературном процессе начала XX века // Русская литература первой трети XX века в контексте мировой культуры : материалы I международной летней филологической школы. Екатеринбург, 1998. С. 198.

дожественные тексты, в которых возникает образ Екатеринбурга / Свердловска, не выявлены модификации образа города, связанные с его противоречивой историей (в частности, неоднократными изменениями официального статуса), несмотря на то, что за время почти трехвекового существования уральского города создан целый корпус текстов, описывающий его пространство, историю, культуру, что позволяет рассматривать образ Екатеринбурга как предмет системного исследования.

Степень изученности вопроса. Изучение региональной специфики городов Среднего Урала в настоящий момент ведется в различных сферах гуманитарной науки: истории, культурологии, географии¹. В работах исследователей раскрываются специфика и общие закономерности развития Екатеринбурга, воссоздается образ данной локальной территории.

Отдельные филологические исследования образа Екатеринбурга появлялись в связи с творчеством Д. Н. Мамина-Сибиряка². В настоящее время в поле зрения исследователей попадают и творчество уральских писателей-классиков, и современные профессиональные и непрофессиональные авторы³. Созданная научная база дополняется эссеистикой екатеринбургских писателей (М. Никулина, О. Славникова и др.), где авторская концепция образа Екатеринбурга опирается на городскую историю и мифологию.

Екатеринбургскими писателями и учеными предприняты попытки создания различных вариантов «биографий» города, основанных на его истории, описании наиболее значимых локусов, памятников архитектуры, жилых особняков и т. д. В книге В. Лукьянина и М. Никулиной «Прогулки по Екатеринбургу» (1997) город делится на зоны, каждая из которых представляет ту или иную ипостась его портрета в исторической перспективе и в то же время позволяет изучить город в

¹ См. например: работы историков А. Берковича, Н. Корепанова, В. Микитюка, М. Нечаевой, В. Шкерина, культурологов С. Кропотова, А. и И. Мурзиных, географов Е. Анимиды, И. Корнева и др.

² *Боголюбов К. В.* Мамин-Сибиряк как историк города Екатеринбурга // Уральский современник. 1949. № 14. С. 221–233; *Райцына Р. А.* Д. Н. Мамин-Сибиряк о городе Екатеринбурге // Материалы первой научной конференции по истории Екатеринбурга–Свердловска. Свердловск, 1947. С. 185–190.

³ *Вепрева И. Т.* Путешествие из Екатеринбурга в Свердловск и обратно (к проблеме мифологического сознания горожанина) // Проблема изучения языковой картины мира и языковой личности : материалы междунар. конф. «Язык. Система. Личность». Екатеринбург, 2004. С. 44–49; *Литовская М. А.* Бажов и символическое пространство Екатеринбурга // Региональные культурные ландшафты. История и современность : материалы всерос. науч. конф. Тюмень, 2004. С. 31–38; *Созина Е. К.* «Екатеринбургский текст» Натальи Смирновой // Урал. 2005. № 4. С. 220–225.

отдельной фазе его развития. В книге Л. Злоказова и В. Семенова «Старый Екатеринбург» (2000) веки истории и культуры Екатеринбурга воссоздаются в собранных и прокомментированных авторами документальных текстах (письмах, путевых записках и т. п.). Вышедшие в 2005 году книги В. Слукина и Л. Зориной «Улицы и площади старого Екатеринбурга», Н. Корепанова и В. Блинова «Город посредине России» представляют Екатеринбург через архивные материалы, сохранившие факты истории, городские предания и легенды, личный опыт авторов. Эти книги ценны тем, что комментируют изменения в пространстве города, возвращая его особнякам, улицам, площадям первоначальное предназначение, возрождая давно ушедшую городскую повседневность. Нарботанные наблюдения и концепции нуждаются в дополнении конкретным художественно-литературным материалом и литературоведческим анализом диахронного развития образа города.

Научная новизна исследования. Впервые предпринимается попытка целостного анализа образа Екатеринбурга в литературе XVIII – середины XX веков¹, для чего определен корпус текстов, в которых представлен образ Екатеринбурга / Свердловска и отразилась городская мифология. Разработаны и рассмотрены несколько типов описания Екатеринбурга в литературе. Представлен образ города в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка. Введен в современный литературоведческий оборот новый материал: фельетонистика уральского журналиста начала XX века В. П. Чекина как репрезентативный текст о городе. Проанализированы особенности трансформации образа города в произведениях свердловских авторов 1920–40-х годов.

Объектом нашего исследования является образ Екатеринбурга / Свердловска в литературе XVIII – середины XX веков.

Предмет исследования – тексты XVIII – середины XX веков, отразившие наиболее значимые этапы становления и развития образа Екатеринбурга / Свердловска. Разнородность текстов, используемых нами в качестве источников (путевые заметки, мемуары и устные воспоминания о городе, художественная литература), необходима для того, чтобы представить образ города в исторической ретроспективе.

Цель нашего исследования – анализ литературы XVIII – середины XX веков, в которой представлено символическое пространство Екатеринбурга / Свердловска, для выявления формирования его об-

¹ Отбирая тексты для анализа, мы руководствовались положениями, высказанными Ю. Лотманом в статье «О содержании и структуре понятия “художественная литература”»: «Художественной литературой будет являться всякий словесный текст, который в пределах данной культуры способен реализовать эстетическую функцию» (Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 203).

раза. Достижение поставленной цели потребовало решения следующих исследовательских **задач**:

- определить корпус литературных текстов, в которых представлен образ Екатеринбурга / Свердловска;
- выявить основные этапы формирования и трансформации образа Екатеринбурга / Свердловска в литературе;
- установить модель описания Екатеринбурга в текстах документального характера и путевых записках XVIII – начала XX веков;
- рассмотреть специфику образа города в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка и фельетонах В. П. Чекина;
- проанализировать особенности трансформации образа Екатеринбурга / Свердловска в произведениях 1920–40-х годов.

Методологическая и теоретическая база диссертации. Ведущими подходами в исследовании выступают проблемно-тематический и типологический анализы, позволяющие проанализировать образ Екатеринбурга как целостную, динамично развивающуюся систему (Н. Анциферов, А. Белоусов, М. Строганов и др.). В отдельных случаях применяются элементы структурно-семиотического анализа (Ю. Лотман, В. Топоров, Т. Цивьян и др.). Анализируя образ Екатеринбурга, мы опирались также на синтетические в методологическом отношении описания целостных образов городов в работах В. Абашева, Е. Милюковой, И. Разумовой, Е. Эртнер и др.

Научно-практическая значимость результатов исследования. Положения и выводы настоящего исследования могут быть использованы в вузовских курсах по истории региональной литературы, в разработке спецкурсов по истории, культуре и литературе Екатеринбурга.

Апробация работы. Основные положения работы отражены в докладах и сообщениях автора на научных и научно-практических конференциях разных уровней: «Культура Екатеринбурга: время зрелости и перспективы» (Екатеринбург, 1998), «Филологический класс: наука – вуз – школа» (Екатеринбург, 1999), «Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы» (Екатеринбург, 2002), «Человек в мире культуры» (Екатеринбург, 2003), «Дергачевские чтения» (Екатеринбург, 2004), «Творчество П. П. Бажова в меняющемся мире» (Екатеринбург, 2004), «Современный город: межкультурные коммуникации и практики толерантности» (Екатеринбург, 2004), «Литература Урала: история и современность» (Екатеринбург, 2005). Содержание работы легло в основу специального курса «Литература Екатеринбурга в зеркале истории», прочитанного автором в 2003–2005 годах в Специализированном учебно-научном центре Уральского государственного университета им. А. М. Горького, и раздела

учебного пособия «Русская литература I половины 20 века» (УРГУ, 2002).

На защиту выносятся следующие положения:

1. На процесс формирования и трансформации представлений о городе влияют его место в геополитическом пространстве, в частности, административный статус, внешний вид, городская повседневность со складывающейся в ней мифологией. Основные этапы становления образа Екатеринбурга в литературе совпадают с исторически значимыми периодами развития города.

2. Образ Екатеринбурга впервые возникает в текстах документально-описательного характера, созданных в XVIII веке основателями города: комментариях к картам и чертежам, технических описаниях, письмах, рукописях и т. п. В этих текстах поясняется специфика строящегося города, определяемого как завод-крепость, описывается возникающее по заранее намеченному плану поселение. В первые годы существования Екатеринбург представлял форпост горнозаводского Урала, своеобразный аналог столицы – Петербурга. Уникальность Екатеринбурга как горного города была замечена посетившими город путешественниками. В путевых записках, основанных на непосредственных впечатлениях от города, его образ корректируется культурными стереотипами авторов (иностранцев либо жителей столицы). Несмотря на свою удаленность от центра, Екатеринбург соответствует их представлениям, каким должен быть горный город. В этих текстах о Екатеринбурге закрепляются ключевые символы города: завод, камень и золото, представляющие основные виды городских производств.

3. Первой попыткой перевода объективной реальности Екатеринбурга в художественный образ можно назвать незаконченное произведение А. Лоцманова «Негр, или Возвращенная свобода» (1823), в котором Екатеринбург аллегорически представлен как страна Бразилия, где невольники добывают алмазы на приисках. В произведении выделяются две важнейших составляющих образа города – каменное богатство и каторга заводов, рабочие которых были приписаны к ним навечно. С течением времени в развитии Екатеринбурга возникают серьезные внутренние противоречия, что отразилось в текстах о нем. Завод, с которого начинался город, постепенно теряет свое значение; утратив статус горного города, Екатеринбург начинает приобретать черты рядового провинциального населенного пункта.

4. Закрепление образа Екатеринбурга в литературе происходит в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка, отразивших разнообразный спектр представлений о городе, сложившихся к середине XIX века: горнозаводской и золотопромышленный центр, крупный культурный

и торговый город, глухая провинция. В произведениях писателя приобретает значение тема противоборства уникального и тривиально-провинциального в образе Екатеринбурга. Развернутому образу Екатеринбурга способствуют особенности повествовательных жанров произведений Мамина-Сибиряка, дающие возможность воссоздать многоплановый облик города.

5. Изменения в образе Екатеринбурга во многом зависели от вне-литературных факторов. В середине XIX века Екатеринбург, превратившись в обычный уездный город Пермской губернии, продолжает оставаться для своих жителей негласной «столицей Урала». К началу XX века идея столичности подвергается иронической оценке, доминирующей в популярном в этот период жанре газетного фельетона, являющегося репрезентативным текстом, отражающим особенности городской жизни. Во введенном нами новом историко-литературном материале – фельетонистике екатеринбургского журналиста начала XX века В. П. Чекина – предметом рефлексии становятся факты актуальной городской повседневности, преимущественно, в силу природы жанра, в ее негативных сторонах.

6. В советский период трансформация образа Екатеринбурга связана как с реально происходившими преобразованиями, так и с заданными сверху идеологическими установками. Из прежних представлений о городе выделяется его заводская составляющая: преобладающим становится образ города-рабочего. В послереволюционный период описание городской повседневности переходит в очеркистику, а в художественных текстах Екатеринбург / Свердловск изображается как новый социалистический город с чертами утопического города будущего: солнечного, многолюдного, молодого. В годы Великой Отечественной войны образ города-завода в изображении Свердловска наполняется дополнительным смыслом: это город, работающий для фронта, для Победы. В образе военного Свердловска проявляется гуманистическое начало, связанное с тем, что город дает приют многим людям, становится для них хоть и временным, но домом. Целостный образ Свердловска военного времени помогают воссоздать устные и опубликованные воспоминания об этом периоде.

7. В процессе развития города в нем выделяются места, несущие в городской среде особую смысловую, историческую, эстетическую значимость. Примером такого локуса в Екатеринбурге является Харитоновский дом, с которым связан корпус разнообразных текстов (художественные произведения, фельетоны, воспоминания), иллюстрирующих этапы истории дома. Харитоновский дом последовательно принимает на себя различные функции: городского жилища, страшного места, «увеселительного уголка», «детского мира». Его история, выстраиваемая в коллективном тексте о нем, иллюстрирует историю

Екатеринбурга. Харитоновский дом становится знаком города, его «визитной карточкой».

Структура работы. Работа состоит из введения, основной части, заключения и приложения.

Основная часть состоит из двух глав, каждая из которой посвящена закреплению в литературных текстах образа Екатеринбурга в ключевые этапы развития города. Список литературы включает 195 наименований.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, излагаются общие подходы к анализу образа города, в том числе и провинциального, в современном литературоведении, дается краткий обзор работ, посвященных этой теме, представляются пути изучения формирования образа Екатеринбурга.

В **первой главе** *Образ Екатеринбурга: от путевых записок к художественному тексту* рассматривается специфика формирования образа города в документальных текстах периода XVIII – начала XX веков. Особенностью письменного изображения Екатеринбурга является длительное отсутствие художественных произведений о нем (практически до появления в 80-х годах XIX столетия прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка). Подобная картина актуальна для «запланированных» городов, созданных с определенной целью (укрепление промышленной базы страны). Екатеринбург был задуман как город-завод и воплотил в себе характерные черты подобного поселения: суровый, практически военный режим, долгое время существовавший в городе, длительное отсутствие культурных центров (театров, музеев, галерей и т. д.), ориентация городского населения на производство (элиту городского населения достаточно долго представляли горные инженеры). Поэтому Екатеринбург, в отличие от центральных городов, в частности, Петербурга, литературное постижение которого шло практически параллельно с его строительством, не получил столь развернутого художественного контекста.

В **первом параграфе** *Модель описания Екатеринбурга в текстах первых десятилетий и путевых заметках XVIII – начала XX веков* представлен образ Екатеринбурга в письменных источниках первых десятилетий города и путевых заметках XVIII – начала XX веков. Свидетельства о раннем периоде становления города сохранились по преимуществу в текстах информативного, официально-делового жанра: письмах в столицу, сообщающих о ходе строительства нового завода, планах, комментариях к картам и чертежам, технических описания. Их цель – обозначить четкую привязку к местности нового горо-

да, описать его устройство, дать представление о природных особенностях и т. д. Образ Екатеринбурга формируется в текстах первых десятилетий, фиксирующих суждения и впечатления о городе его основателей и первостроителей, и тех, для кого это пространство было чужим, незнакомым, экзотическим. Эти тексты создавались в русле просветительской традиции. Процессы, развивающиеся на некогда пустой территории, означали, прежде всего, ее упорядочивание, превращение в часть Российской империи. В трудах В. Н. Татищева «Наказ» (1721–1723) и В. И. Геннина «Абрисы» (1734), написанных в первые годы существования Екатеринбурга, воссоздаются напряженные ситуации рождения нового города, формируется подробное описание города-завода, отражается система представлений его основателей о том, каким должен быть новый город и складывающиеся в нем отношения.

Представления о городе его основателей оказывают значительное влияние на формирование образа Екатеринбурга, выделяя устойчивые атрибуты (камень, железо, золото) и важнейшие локусы его пространства (завод, фабрика, лаборатория). Уже в этих текстах очевидна одна из самых ярких особенностей города первых лет – его жесткий полувоенный уклад, строгая дисциплина, тяжелейшие условия труда. Даже в столь скудных источниках видна драматическая история становления большого города, будущего центра уральской промышленности, перед которым поставлены важные государственные задачи.

В «оптике путешественника» Екатеринбург выглядит крупным развитым городом, декларируется его «столичность», приравненная к красоте, многолюдности. Но следует учитывать «предопределенность» маршрутов тех, кто приезжает в город, именно поэтому мы выделяем среди корпуса текстов специфический «посетил-фрагмент» (эпизоды, в которых описываются преимущественно несколько городских пространств – это завод, гранитная фабрика, монетный двор)¹, подтверждающий, что впечатление о городе приезжего во многом формируется уже существующими стереотипами. Живущий в нем скорее напишет о провинциальности, скуке, отсутствии культурных центров и т. д. Негативные замечания о городе появляются и в записках путешественников более позднего времени. Мы можем наблюдать в путевых заметках отражения процессов превращения Екатеринбурга из «столицы

¹ См. несколько примеров «посетил-фрагмента»: «Кто хочет познакомиться с горным и заводским делом, тому стоит только посетить Катариненбург» (И.-Г. Гмелин, 1733); «осматривали все примечательное; видели, как промывают золото <...>; заходили в мастерские, где для петербургских дворцов отделяются огромной величины и превосходной работы малахитовые, порфиновые, яшмовые разных цветов вазы» (Ф. Ф. Вигель, 1806); «я успел неоднократно побывать на Нижноисетском, где льются, высверливаются, оттачиваются гранаты и бомбы, на Уктузском и известном Верхнеисетском заводах» (П. А. Словцов, 1828) (Злоказов Л. Д., Семенов В. Б. Старый Екатеринбург. Город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000).

заводов» в рядовой провинциальный город, что связано с объективно-историческими обстоятельствами (потерей статуса «горного города», спадом промышленного производства и т. д.). Оценка города зависит также от «состава» посещающих город: если в XVIII – начале XIX века это были в основном ученые, люди, связанные с заводским и горным делом, сопровождающие царственных особ или те, кто направлялся или возвращался из ссылки, то в XIX – начале XX века город больше посещают журналисты, писатели, люди искусства. Соответственно, несколько изменяются акценты в описаниях, которые становятся более живыми, изображая повседневную жизнь города. При этом матрица восприятия города остается той же, несмотря на расширение его пространства, изменения в социальной и промышленной сфере: жанр путевого очерка основан на «заемных», исторически сложившихся знаниях о городе, личном опыте пишущего и субъективных впечатлениях. Данная модель описания города в жанре путевых записок или «записок гостя» является действенной и до сих пор¹.

Первым художественным текстом, отражающим пространство Екатеринбурга, можно считать незаконченное произведение Андрея Лоцманова «Негр, или Возвращенная свобода» (1823). Несмотря на то, что образ города здесь весьма условен (Екатеринбург аллегорически изображен в образе бразильских приисков, на которых невольники добывают алмазы), мы присоединяем этот фрагмент к корпусу екатеринбургских текстов: написанный в Екатеринбурге, он отражал обстоятельства жизни самого автора – крепостного служащего Верх-Исетского завода. А. Лоцманов наметил контур будущего отношения в литературе к данному месту. Целостный художественный образ Екатеринбурга начнет создавать Д. Н. Мамин-Сибиряк, опираясь на сложившиеся представления о городе, его историю, городские легенды и были.

Во втором параграфе первой главы *Образ Екатеринбурга в произведениях Д. Н. Мамин-Сибиряка* нами рассмотрена специфика образа города, созданного уральским писателем в произведениях 1880–90-х годов, отразивших разнообразный спектр представлений, сложившихся к середине XIX века: от горнозаводского и золотопромышленного центра, крупного культурного и торгового города до глухой провинции.

Начиная с 1880-х годов, Екатеринбург упоминается в очерках: «От Урала до Москвы» (1881–1882), «Письма с Урала» (1884), «Путевые заметки – от Зауралья до Волги» (1885). Широкую историческую панораму развития города писатель представляет в очерке «Город Ека-

теринбург» (1888). В своих публицистических произведениях Мамин-Сибиряк представляет Екатеринбург крупным, живым, деятельным, красивым городом с большими перспективами, создавая его позитивный образ: «Что-то полное деятельности, энергии и предприимчивости чувствовалось в этой картине города, с 30-тысячным населением, заброшенного на рубеж между Европой и Азией»¹. Но и любовь писателя деятельная: ощущая необычность города, он серьезно подходит к изучению его истории, обстоятельств возникновения, а также к анализу современной ситуации. Этот факт отличает очерки Мамина-Сибиряка от путевых записок, посвященных Екатеринбургу. Теперь это не «взгляд извне», а презентация города человеком, в нем живущим, желание показать его необычность, лучшие стороны, настоящие и потенциальные возможности. Не случайно именно Мамину-Сибиряку – литератору, а не историку – был заказан исторический очерк к первому статистическому справочнику о городе – «Город Екатеринбург» (1888).

Опираясь на корпус разножанровых произведений Мамина-Сибиряка (от очерков до романов), мы можем наблюдать объемный и целостный образ Екатеринбурга, создавая который, Мамин-Сибиряк привлекает реальные улицы, площади, особняки города и исторические факты его развития, но при этом выстраивает оригинальную интерпретацию формирования Екатеринбурга. Показательным примером является роман «Приваловские миллионы», прообразом основного места действия которого писатель выбирает самый примечательный городской локус (усадьбу Расторгуева - Харитоновна), а в качестве коренных уральских типов выводит золотопромышленников – старообрядцев.

Образ Екатеринбурга в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка представляет широкий спектр провинциальных коннотаций, зафиксированных, в частности, в семантической разнообразии названий городов, прообразом которых стал уральский город в романах «Приваловские миллионы» (1882), «Общий любимец публики» (1889), «Без названия» (1894); повестях «Нужно поощрять искусство» (1887), «Доброе старое время» (1889), «Пир горой» (1894), «Верный раб» (1894); рассказах «Башка» (1884), «Золотая ночь» (1884), «Поправка доктора Осокина» (1885), «Жид» (1893), пьесе «Золотопромышленники» (1885) и других произведениях.

В творчестве Мамина-Сибиряка мы наблюдаем уникальное явление реализации многомерности географического и культурного пространства в имени. В разнообразии всего комплекса названий городов – литературных двойников Екатеринбурга (Узел, Пропадинск, Сосно-

¹ См. предисловие голландского литературоведа к сборнику стихов Б. Рыжего: Верхейл К. Любовь остается // Знамя. 2005. № 1. С.157–166.

¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 12 т. Свердловск, 1951. Т. 12. С. 131.

горск, Загорье, Бужоем) воспроизводится универсальный образ провинции, объединяющий ее положительные и отрицательные признаки: от 'богатого природного края' и 'живого узла материального существования' (Сосногорск, Загорье, Узел) до 'глухого угла' и 'пропащего места' (Пропадинск, Бужоем).

Но и сами названия внутренне глубоко связаны. Смысл имени «Пропадинск», в котором соединились значения глагола «пропасть» – 'утратиться, исчезнуть, погибнуть, умереть, перестать существовать, пройти бесполезно, безрезультатно' (последнее может относиться к жизни в провинциальном локусе) и существительного «пропасть» с его метафорическим 'дойти до тяжелого, губительного состояния', перекликается с более привлекательными в смысловом отношении «Сосногорском» и «Загорьем», в которых объединяющей частью является «гора», один из основных символов горного города Екатеринбурга. Но среди мифологических значений этого символа есть понятие верха и низа, преисподней, пропасти, которая может восприниматься и в контексте реального горного рельефа. В свою очередь имя «Загорье» «с характерной для находящегося по ту сторону бытия «захолустья» приставкой за-»¹ входит в ряд значений имени «Пропадинск». Отмеченные нами особенности названий отражаются и в текстах, которые содержат всю полноту авторского видения города.

В отличие от Сосногорска, Загорья и даже Узла, чьи значения в соотнесении с реальным Екатеринбургом поддаются расшифровке, литературный топоним Бужоем («Нужно поощрять искусство») остается «темным местом». Смысл его можно понять только в соотнесении с содержанием повести. Тематической доминантой произведения становится мотив смерти: в экспозиции умирает актриса, приехавшая в Бужоем на гастроли, в финале – ее маленький сын. Еще одна актриса городской театральной труппы угасает в чахотке. Бужоем изображен «городом смерти», судьба живущих в нем заранее предопределена.

Скорее всего, основой имени Бужоем послужило какое-то диалектное слово, но обнаружить таковое в словарях уральских говоров нам не удалось. Однако в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля приводятся омонимичные формы: *бужать* (глагол) и *бужать* (существительное) (архангельские говоры, ударение на первый слог) с весьма любопытными значениями (правда, Даль ставит к ним помету «недостаточно ясное слово»): 'рыть песок или глину, ломать из земли камень, яма, из которой добывают песок'. Второе значение глагола – 'умирать, издыхать, околевать, испускать дыхание'. В этом же корне слов приведены

¹ Белоусов А. Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) // Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты. М., 2004. С. 476.

этом же корне слов приведены существительные *бужва* – 'биение жил, пульс' и *бужлец* – 'мертвый узел'.

Любое из этих значений в сочетании со значением второго корня имени *ем*, *емить* – 'брать, собирать, имать (иметь)', становится ключом к пониманию смысла имени и основной идеи произведения.

«Псевдонимы» Екатеринбургa еще раз указывают на противоречивость образа города в произведениях уральского писателя. На первый план выходит оппозиция столица/провинция, что в принципе свойственно локальным текстам. Именно на пересечении характерных признаков провинциального (скуки, грязи, запустения) и столичного (активности, многолюдности, деятельности) и возникает Екатеринбург Мамина-Сибиряка.

В **третьем параграфе** первой главы *Иронический портрет Екатеринбургa в фельетонах В. П. Чекина* мы исследуем «низовую» образ Екатеринбургa в фельетонах 1910-х годов екатеринбургского журналиста В. П. Чекина (псевдонимы Никто-не, Еноткин), опубликованных в местной периодике (газеты «Уральский край», «Голос Урала», «Зауральский край»). В этих фельетонах отразилась очередная трансформация образа Екатеринбургa, связанная с его закрепившимся административным статусом – уездный город Пермской губернии.

О судьбе В. П. Чекина сведений почти не сохранилось. Исследователь уральской фантастики И. Халымбаджа сообщает, что свою журналистскую деятельность В. П. Чекин начал в западных губерниях России (город Белосток), в 1900 году была опубликована его единственная известная книга «Без названия: фантазии, поэма и мелкие стихотворения». Затем несколько лет он сотрудничал в газетах провинциальных приволжских городов: Владимир, Нижний Новгород, Ярославль, Казань, печатался и в столичных изданиях¹. 1910-1919 годы – период его активной работы в екатеринбургской печати. В послереволюционный период его фельетоны под псевдонимами Никто-не, Никто появляются на страницах уральской периодики, в основном «Уральского рабочего» в 1920-х годах.

Фельетоны, принадлежа феномену массовой литературы, являются носителями «низового» образа города, поскольку, в силу особенностей жанра, отражают городскую повседневность в ее – чаще негативных – проявлениях. Доминирующий в фельетоне принцип изображения повседневных жизненных практик делает фельетон «зеркалом» городской культуры начала XX века. Несмотря на то, что фельетон в силу природы жанра обращался в основном к негативным сторонам

¹ Халымбаджа И. Г. Русские фантасты и сказочники. Библиографический словарь (неопубликованная рукопись).

городской жизни, его страницы отражают представления горожан о городе и о себе. Материалом для Чекина становится среда провинциального города, его природно-географические особенности и характеры обывателей.

Если рассматривать творчество Чекина екатеринбургского периода как единый текст, можно обнаружить, что образ города в нем предельно мифологизирован. В его фельетонах четко выявляется «мифологическое ядро», объединяющее уже сформировавшиеся знаки города: камень, золото, железо (завод). Не будучи коренным екатеринбуржцем, писатель достаточно последовательно придерживается именно этих закреплённых в различных текстах представлений о городе. Екатеринбург в его фельетонах – это «царство руд и сапфиров», «чудовищных золотых самородков», сказочного богатства земных недр: «По совести сказать, здесь даже не пристало / Быть городу: весь начинен Урал / Металлами различными, камнями»¹. Устойчивые представления о городе, «стоящем на камне и железе», отражаются в именах героев (Кирпич Гранитович Чугунов), используются в изображении общественной жизни: «Екатеринбург медленно-медленно оттаивает. Кое-где под гранитной корой, одевшей местную общественную жизнь, слышится робкий шепот первых ручьев»². Но, в соответствии с законами жанра, городской миф получает ироническое переосмысление, доводится до абсурда. Драгоценные камни, золотые слитки, полезные ископаемые валяются здесь под ногами: «Свинья топаз тут выкопала рядом: / Прозрачен, как слеза, чудовищный размер», «На площади торговой / Нашли мальчишки слиток золотой», «Сейчас на берегу пруда <...> / Платина, серебро, свинцовая руда <...> / Вблизи больничного забора / Валялся крупный изумруд» («Радужный сон лорд-мэра»).

Создавая иронический образ екатеринбургского обывателя, В. П. Чекин также обращается к образу камня и уральской природы: «Люди, населяющие Екатеринбург, по преданию, произошли из камней, набросанных на берегах соседнего Шарташского озера. Они крепки, упорны и грубы, как старые, проросшие лишаями уральские камни <...>. Речь населения напоминает сталкивающиеся круглые бульжники, остроумие – осколки вековых сосновых пней, глубокомыслие – то запутанные тропинки бесконечных лесов, то старые заброшенные шахты, вырытые мозолистыми руками безграмотных старателей»³. Городской миф пересекается в фельетонах с мифом провинциальным,

образ города включается в общую парадигму провинции. В. П. Чекин, хорошо знавший российскую провинцию, отмечает необычность Екатеринбургa, на фоне которой недостатки его действительности, высмеиваемые в фельетонах, становятся еще острее.

В восприятии и изображении города В. П. Чекин следует уже существующей литературной традиции, в которой самым значительным авторитетом для него является Д. Н. Мамин-Сибиряк. Следование традиции Мамин-Сибиряка выражалось в отношении Чекина к историческому прошлому города, более значительному, с его точки зрения, чем настоящее.

Специфика отражения образа города в фельетонах В. П. Чекина 1910-х годов связана прежде всего с тем, что фельетоны, день за днем фиксируя городскую реальность, играют роль своеобразного «дневника». Город для «городского фельетониста» – это не только предмет рефлексии, но и специфическое средство к существованию. Фельетоны должны были появляться практически в каждом номере ежедневных газет, и совершенно очевидно, что оттачивать и дорабатывать материал у автора не было времени. Можно выделить ряд тем и сюжетов, наиболее часто эксплуатируемых автором: пошлые обывательские нравы, бездействие городских властей, плохое благоустройство городских улиц и т. п. Поэтому образ города в фельетонах, приобретающая некоторую клишированность, одновременно выявляет ядро представлений о нем, в котором отражаются и знаки провинциального города, и индивидуальные черты Екатеринбургa.

Вторая глава *Трансформация образа Екатеринбургa / Свердловска в литературе 20-40-х годов XX века* посвящена анализу образа города в литературе советского периода (20–40-е годы XX столетия) и разделена на два параграфа, каждый из которых представляет, соответственно, анализ текстов (художественных, публицистических и мемуарных) 1920–30-х и 1940-х годов.

Первый параграф второй главы *Трансформация образа города в произведениях свердловских авторов 20-30-х годов XX века* посвящен модификации образа Екатеринбургa / Свердловска в указанный период. 20-30-е годы XX века занимают особое место в трансформации образа города. Общеизвестно, что характерным признаком этого периода становится пафос обновления, вера в безграничность человеческих возможностей и в то же время усиливающаяся нормативность искусства и литературы. Идеи индустриализации существенно повлияли на формы изображения города в литературе, в частности, эти изменения коснулись и Екатеринбургa. В корпусе текстов екатеринбургских авторов, работавших в широком жанровом спектре (лирические стихотворения, рассказы, очерки, повесть), подчеркивается активное творческое начало города, с которым связывается прежде все-

¹ Радужный сон лорд-мэра // Голос Урала. 1912. 14 марта.

² Трепет жизни // Голос Урала. 1912. 10 марта.

³ Рапорт музы Мельпомены Богу Аполлону // Голос Урала. 1912. 12 сентября.

го преобразовательная деятельность. Образ города теряет индивидуальные черты: в период 1920-30-х годов складывается модель описания промышленного города, включающая в себя определенные знаки: завод как центральный образ, призывные звуки заводских гудков, веселые молодые лица, радость труда и т. д. Похожие изображения городов встречаются во многих произведениях этого периода. Обращение к историческому прошлому города также не придает его образу индивидуальности, поскольку ограничивается воспоминаниями о тяжелой доле заводских рабочих и революционной борьбе. В русле становления традиции описания промышленных городов в литературе изображает Свердловск В. В. Маяковский в стихах 1924 года.

В то же время издавна сложившиеся устойчивые представления о городе становятся благодатной почвой для нового мифотворчества. Так, облик города связывается с образом помолодевшего рабочего, а городское пространство значительно по сравнению с реальностью расширяется, наполняясь по воле автора огромными зданиями и сильными людьми, солнцем и шумом: «Куда не помотришь, всеми цветами радуги переливают майки, площади гудят разудальными боевыми песнями, эхо перебегают из улицы в улицу <...>. Бегут пары, пятерки, десятки, соревнуются в резвости целые коллективы»¹. Перспективный образ существующего более в воображении города начинает играть значительную роль в литературе этого периода.

В период 1920-30-х годов особая мифология, которая придаст всему региону и Екатеринбургу как его центру особый статус и пути к идентификации, вызревает в творчестве П. П. Бажова.

Трансформация, которой подвергается образ Свердловска в произведениях писателей 1920-30-х годов, связана прежде всего с новым взглядом на социалистический город, формирующимся под влиянием событий, совершающихся в стране. В связи с преобразованиями, происходящими в Свердловске, он перестает восприниматься глухим провинциальным городом. Из описаний города исчезают знаки провинции, но появляются клишированные черты города будущего, города Солнца, где всем правит труд, а люди разумны и счастливы. Отдаляясь от традиции изображения провинциального города, свердловские поэты и писатели приходят к другой, более глубинной – изображению города-утопии, в котором индивидуальные черты подавляются всеобщей государственной мечтой о светлом будущем: «И простор и свежесть больших пространств, // Солнце, что в городе править будет, // Нам расправят плечи, и выпрямят стан, // И дышать научат полною грудью»².

¹ Гранин Б. Годен! // Штурм. 1932. № 1. С. 50.

² Медякова Е. Солнечный город // Рост. 1930. № 4. С. 19–20.

На первый план в описании Свердловска выходит его производственная составляющая, стирая индивидуальные черты. Поэтому образ города унифицирован и схематизирован, и если в нем и выделяются особые черты, то они связаны с его «официальным назначением» в структуре государства. Представление о Свердловске как промышленном городе, разумеется, вытекает из его «екатеринбургской истории», но, тем не менее, город признается новым, отрывается от своих корней. Усиленно создается образ идеального города в кругу иной символики: меняется городской ландшафт (грязь, плохое обустройство улиц исчезают из произведений), и даже уральская погода становится устойчиво солнечной.

В подходе к изучению образа Свердловска 1940-х годов (**параграф второй** *Свердловск военного времени в зеркале словесности*) главным критерием для нас была масштабность основного события этого периода – Великой Отечественной войны, оценка которого не укладывается в рамки только художественных жанров. Фиксация такого огромного явления, как война, военный тыл, которым сразу становится Свердловск, ведется самыми различными способами, причем это живой, развивающийся вплоть до наших дней текст. Подтверждением тому служат произведения на военную тему современных авторов: Н. Никонова, Г. Дробиза, Н. Мережникова, М. Никулиной, В. Блинова и многих других, а также воспоминания горожан – очевидцев тех лет. Поэтому мы сталкиваемся с огромным корпусом текстов, различных и в жанровом, и в художественном отношении.

Среди них произведения свердловских литераторов, имевших возможность наблюдать изменения города в военный период (Б. Рябинин, К. Мурзиди, В. Занадворов и др.), тексты эвакуированных поэтов и писателей (А. Каравасева, А. Барто, О. Высоцкая и др.). Важным источником исследования является газетная публицистика, сохранившая, несмотря на свойственную прессе того времени тенденциозность, живой облик города и горожан. Способом верификации и расширения образа Свердловска военного времени, представленного в художественной литературе 1940-х годов, стал анализ воспоминаний об этом периоде, которые, в свою очередь, также представляют разнообразные тексты, существенно отличаясь оценками. Это «официальные», вышедшие в 1985 году мемуары Б. С. Рябинина «Говорит Урал. Музы не молчали», опубликованные письма и воспоминания современников, собранные в последнее время и не связанные цензурными ограничениями (книга «Мы приближали Победу», изданная в 2000 году), а также близкие к ним устные воспоминания.

Образ города, создаваемый в этих текстах, вновь обретает собственное лицо, несмотря на многочисленные уступки существовавшему канону изображения военного города. Свердловск представлен писателями как «вооруженный лагерь» (К. Мурзиди),

телями как «вооруженный лагерь» (К. Мурзиди), горожане осознают ответственность за то, что происходит на фронте, порой сам город называется фронтом. В произведениях военных лет значительное место занимают мотивы, актуальные для общелитературного процесса этого периода, например, мотив детства, оборванного войной (ребенок, стоящий на ящике у станка).

Одним из важнейших в произведениях 40-х годов становится образ завода, приоритет которого уже был закреплен в предыдущий период, но он наполняется дополнительным смыслом: Свердловск – город, работающий для фронта, для Победы. Именно этот образ писатели должны были донести до читателя, рассказать о людях, совершающих трудовые подвиги, работающих, не щадя себя, для нужд фронта. Портрет города дополняется фигурами подростков, женщин, заменивших у станков на заводе мужчин, ушедших на фронт. Несмотря на пропагандистский характер, оптимистические, бодрые интонации, появление новых клише, образ военного Свердловска «теплее», в нем проявляется гуманистическое начало, связанное с тем, что для многих эвакуированных сюда людей город становится хоть и временным, но домом.

Мы анализируем тексты как художественного, так и мемуарного характера, в которых образ Свердловска, ставшего в период войны эвакуационной базой, приобретает специфические черты домашней жизни. В произведениях свердловских авторов и воспоминаниях эвакуированных главная проблема текста эвакуации – одиночество, невозможность коммуникации – актуализируется не столь остро. Именно тесная связь живущих в городе с производством, заводом, другими видами деятельности облегчает тяготы эвакуации, что проявляется в текстах самых различных авторов. Произведения Б. Рябиной, А. Караваевой, О. Высоцкой, Л. Младко и других авторов, воспоминания очевидцев стали основой для наших выводов.

В **заключении** обобщается специфика развития образа Екатеринбурга в литературе, высказывается ряд предположений о перспективах его дальнейшего изучения, подводятся итоги проведенного исследования, намечаются перспективы дальнейшей работы.

Поскольку хронологический принцип выстраивания образа города был основным в нашей работе, интересно было определить точку концентрации городской символики, напрямую связанной с образом города. Такой точкой нам представляется городской локус – усадьба Расторгуева – Харитоновна. Анализ текстов, связанных с этим особняком, представлен в **приложении**.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. *Клочкова Ю. В.* Екатеринбург в системе образов творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка // Культура Екатеринбурга: время зрелости и перспективы : материалы науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1998. С. 67–70. 0,2 п. л.

2. *Клочкова Ю. В.* Система уроков факультативного курса 10–11 классов гуманитарной специализации «Город Екатеринбург – литературный герой произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка // Проблемы литературного образования школьников : материалы науч.-практ. конф. «Филологический класс: наука – вуз – школа». Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1999. С. 136–138. 0,2 п. л.

3. *Клочкова Ю. В.* Трансформация городского мифа в произведениях свердловских авторов 20–30 годов 20 века // Русская литература I половины 20 века : учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 279–292. 1,2 п. л.

4. *Клочкова Ю. В.* «Псевдонимы» Екатеринбурга в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка: от Узла до Пропадинска // Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы : материалы науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2002. С. 184–186. 0,2 п. л.

5. *Клочкова Ю. В.* Образ Екатеринбурга в произведениях П. П. Бажова // Человек в мире культуры : материалы всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. 2003. С. 137–141. 0,2 п. л.

6. *Клочкова Ю. В.* Екатеринбург в творчестве П. П. Бажова / Ю. В. Клочкова // Творчество П. П. Бажова в меняющемся мире : материалы межвуз. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2004. С. 70–76. 0,6 п. л.

7. *Клочкова Ю. В.* Литературный образ Свердловска в произведениях военных лет / Ю. В. Клочкова // Литература Урала: история и современность : сборник статей. Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2006. С. 128–135. 0,7 п. л.

Лицензия на издательскую деятельность

ЛР №00069, выдана 10.09.99 г.

Подписано в печать 24.04.2006.

Бумага ВХИ. Формат 60x90 1/16. Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 1, 25. Уч.-изд. л. 2. Тираж 100 экз.

ООО «Уральское издательство», 620017, г. Екатеринбург, а/я 822.

e-mail: uralizdatel@r66.ru